

Кругозор 10
1965

Каждый из нас,
выросший
в Коммунистической
партии,
чувствует
руководящую руку
Ильича.

И если
мы сумеем
сохранить в партии
душу Ильича,
то мы доведем
его постройку
до конца.

У нас надежный,
проверенный
партийный компас,
и мы дорогу
найдем.

С. М. КИРОВ

*Сергей Миронович Киров среди
ленинградских пионеров. 1934 год.*

Красная Армия знает, за что она борется

Давно, товарища, одним народом было сказано, что, если бы каждый солдат пламизал, за что он воевал, на свете не было бы войн... Но есть одна привлекательность, есть одна страна, которая не спешит этому покориться. — Здесь и страна и армия построены на совершенно иных началах: каждый воин здесь только тогда становится воином, когда он полностью узнает, за что он дерется, за что он должен отдать все, чем он располагает. Эта страна, товарища, наш Советский Союз, это наша Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Можно без преувеличения сказать, что именно наша Красная Армия прежде всего Своим политическим сознанием, прежде всего тем, что называл красноречиво, каждая воина нашей страны знает, должен знать, обязан знать, чему он служит и во имя чего он сражается.

Необходимо испытать себя

(Из письма Андреевской)

...Если бы удалось пережить себя журналисткой, то для этого, по-моему, необходимо некоторые испытания себе. Я думаю, что для серьезной журналистской работы нужны данные, которые ни в каком институте найти нельзя, т. е. институт поможет только отшлифоваться, но не сформировать журналисткой. Этим я, конечно, отнюдь не хочу сказать, что у Вас этих данных нет. Я Вас почти не знаю. Я хочу сказать только одно: нужно некоторое испытание, треба, ибо без этого, естественно и знаю, в институт поступить нельзя. Дала нашего института — получить неадекватные журналисткой... Мне кажется, что если Вас привлекает журналистская работа, надо начать ее, начать хотя бы с местной газеты...

Мам, мне не надо тебе писать

Зина

В Коммунистическом

абу вечно. С. Норов

Роль комсомола на фронте социалистического строительства

Я не хочу говорить все комплименты, но должен сказать (это мой личный взгляд), что комсомол имеет сыграть тут гораздо большую роль, чем

кто-либо другой, и вот почему: у вас есть большая молчаливость, у вас есть большая организованность, у вас есть большая восприимчивость, большая чуждость, большая энергия, большой пыл: а здесь нужно все приложить: здесь нужен и холодный рассудок, здесь нужна и интуиция, здесь нужен и темперамент, здесь нужен иравосознанный пыл, иначе эту задачу не выполнить, иначе вопрос, который стоит перед нами, не разрешить...

— Эта работа рассчитана, конечно, не на сегодняшнее дело, не на ближайший месяц... Планируется дело, пока мы создадим технику и оборудование. Через три года вы, все ваше поколение, будете взрослыми людьми. Вы должны будете исполнять основную задачу, которая наметана пе-

У ВАС ЕСТЬ БОЛЬШАЯ ЭНЕРГИЯ, БОЛЬШОЙ ПЫЛ

ред юном. То поколение, которое подходит к разрешению этого вопроса, наметит программу, приступит и тяжелой работе, а самая главная задача, самое большое содержание работы лежит на ваших плечах. Тут необходимо во взаимные обязательства партия и вам, чтобы быть вам самой главной, белой лозунг — лозунг усвоенный вашей учебы, учебы не в общем смысле, а производственной учебы: фабрично-заводского ученичества, бригадного ученичества, всех других видов ученичества. Вы должны проявить здесь максимум матерности и настойчивости, ибо нет другой возможности стать вам действительно красивыми командирами нашей промышленности, а ведь отсюда, из ваших рядов мы будем брать этих командиров.

«Каждый пожарный — герой»
В. Галаураский

Микрофон в центре лесного пожара

Виктор Павлов летел вниз, отсчитывая секунды. Обычно, задвигаясь парашютом из воздушной зоны горящего воздуха, он приземляется у самой кромки пожара.

«Пора!» Деревя на землю и тут же лопает: горячо. Это означало огромную воздушную войну. Виктор подпрыгнул и оторвался от земли — бесстрашно его тануло в огне. «Закрыть параш.» Трени обучаиваюся судьбе. Под ним горели кусты, пахнели трава. Дым забил легкие, разбежал глаза. «Принимайте!» Теперь можно отдыхать.

овер. В районе, кроме нас, трое парашютистов-пожарных: Виктор Петов, Владимир Потапов и Владимир Рыжов. Выходит ластик журнал, его чашечка дремлет. Простую вещь спеть не пришлось — работали. Лето в этом году жаркое.

— Принекали, — говорит пилот Иван Антонов.

— Дай дай круга посмотреть, — просит Виктор. Низкий десент лесом вправо. Трое смеются вниз. Белый дым. По густому мечется испуганный табу.

ся. Через несколько минут Виктор услышал гулкий шум, и ему ослепила на помощь товарища.

Два раз фронтом Павлов в горящую тайгу. И столько же раз раскинул жезлы. Нет, рознуд, бесстрашно в годы войны реинтервено Попова земля во многих партизанских отрядах Белоруссия.

Работа лесного пожарного — всегда прыжок в неизвестность. Пламя пожарнет тайгу порой со скоростью курьерского поезда. Огненные волны высшей до пятидесяти метров грохот испепеляют деревья, поселяют, все живое.

...Маленький АИ-2 полетел над тайгой. Внизу ни шелья, ни палатки. Только освещенный запада

— Так себе пожарные, средний, — говорит Павел. — Ноги — прыжок на высоту. — Простая, что через шесть часов приземлится вертолет.

— Пошли, что ли!

— Пошли.

Просто. Как будто во в огонь идут, а так, прогнаться. Три круга поехали над тайгой. Распростерлась в дыму...

Е. ПЕТРОВ, М. ЛАГУН,
специальные корреспонденты
«Курьера».

Фото А. Пунцима

Януская АССР.

Гаворг ЭМИН

НЕ МОЛЧИ!

●
 «Земля круглая!» — твердят любяй,
 Мне, правда, это лучше знать!
 Ведь раскраснелась мы с тобой —
 И все же встретились опять.
 Земля круговая без труда
 И лучше всех постыгнуть мог!
 Тебя целую — и тогда
 Земля укажет жа-лоу наг.

●
 Все, что хочешь, не не плачь!
 Эх, как, бранись и гречи говн,
 Упрямый, вина, кланя,
 Никто тебе не назван!
 Повесть прочитаю «на любовь»
 Но не плачь, не плачь, молчи.
 Все, что хочешь, не не плачь!
 Будь рассержен и сердень,
 Будь в себя
 И прав сторчат,
 Но при входе этих слов
 Выводит я, выводит!

Перевод с армянского
А. Шаташова.

●
 Он был просто цветом,
 не в суровой яркой расцвете
 своим пышным цветом.
 И тогда к нему грехи приехали,
 чтобы стал он полезнам растением.
 И цветот потерял быть цветным,
 но не сдался танко в просок...
 ...Вы арден ё из мне
 обратиться с вопросом?

●
 О поэзия, ты протачиваешь всего много,
 Но выводит стихи, где молчанье — что ни слово,
 но в наше время писать о цветах и реках —
 это значит молчать в пыльном и в дорослах.
 О державил одиннадцать до с водном цвете —
 это значит сарывать, что все еще есть на свете.
 Любавелься морем и лету голубые взрны —
 это значит забыть, что в мире бушуют войны...
 Брось не выдумки, не рассказыив старях

●
 Бесен —
 молчаливый свидетель больше всего опасен!
 Хотя молчанье его само по себе удобно,
 но молчанье его своеобразно плавно.
 Под молчанье его, гладилье, и вблиз изменится,
 и змолот после взрны переверт кончатится,
 и расцветет в шкоре аломых сотрассенн
 вся трава с росой, и доревья, и цвет весенний,
 и пот, свои свеченный в мне славивший,
 но о все молчащий и этот ему ступенный.

Перевод с армянского
Н. Хадатевского.

Музея Вооружениям сие СССР. Пятнадцать лет. Страшнее мир Финиксика кончаларем. Средня плути, наждаки, алюминичевые барен с концами, замечательным заключенным многа. Фотография емоладиса людоч, еще не знавший никуда, на друга семнак — груды костей и пива.

Зашка не из барата и шила — из простен грубои материи, с нем восславие узаким встречеи Победу. В общем с виду ведра, под двойным дном — радиолангы, привади; заключенные Бузанаальда регулярно унаволом свадни Социфорнборю. Радон под ставлом лежит консерване банка со струнами. Чеплюс: «Самодельный музыкальный инструмент, сделанный заключенным В. В. Волновым в кончатаре Винцендорфе». На банке сохранилась зеленаятава этикетка, струны нере-где похрились радиачной.

У работничок музея я узнал, что Виктор Борисович Волков жия в работает в Москве.

Юрка СМАРНОВ

Слушайте депутам звуковеру страниц.

СТРУНЫ ИЗ КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКИ

За год ежесекундная самодеятельность
дала 102 567 концертов и спектаклей, ко-
торые посетили 16 834 000 зрителей.

170 158 конкурентов Ушаковой и Чебу-
киной собраны в 17 003 танцеваль-
ных кружка.

Из «самодеятельных» балалаек, мандолин, баллаб, гитар и других инстру-
ментов России может выставить оркестр
в 78 180 музыкантов.

В Российской Федерации в
33 917 клубных кружках живет
504 874 человека. Статистка по-
ющие не учтены.

Фото Е. Умнова

Горит монах, горит живая свечкой.
Он сам себя падает, облея бензином,
Чтобы сжечь ночь, окутавду горы
И заросли на берегах Невского.
Все злыеяди маг увидят Будду.

Стоит в безмятежном страхе Богомольцы.
Вздвигаются времена машины,
Фототрафареты американцы
Онем охваченного человека,
Который ленив а злати миг последний,
Что был он слеп, что дала Будда слеп,
Что надо быть не слепой, а громовой.

Не ты обидно, что сейчас,
Когда уже давно не дождеть,
Мне труповато вояны раз
Пешам на свой этаж взобраться.

Другим в стоищем, левей,
Хоти мой труд, как гравиде, тиком,
Нинто на молодость теперь
Не даст ни скверн, ни побасанк.

Я думал — жизнь похоро на колчану,
На ролкову медведку на глави,
В интурию бросают медком,
Чтобы купить похоро именнаяй.

Ме деньги я бросал, а дни и мени,
Ты захворала. Прямиком вешала в
Влажен цветов и горного генадетва
Года, что жила мамелетны. Но их
Я не нашла в медкардце разбитой.

СТИХОТВОРЕНИИ

ПЯТЬ

Перевел с белорусского
Илья Холемский

Рисунки
А. Врусоловаго

Из хроники

«...Известный антрополог
По найденному в саркофате черепу
Восстановил черты лица. При этом
Горбинка на лбу у самодержца,
Представлял, аносалась чуть чуточку,
Чем отличалась в летописях старых.
Две бороды на щеки! О них
Историка не знали ничего.
Надоже быть, что восседает умный
Портреты и других царей, а также
Наследников...
О крабры Пугачев! Илья Волотаниев!
Земля мой Калининский!
Вы все, кто рвал в ноздрю ковады,
Что был мозгом, замучен, вышамоден —
Ваш грак не сохранился. Ничего!
О, если б удалось хоть пылинку,
И б назвали не своего явкою,
И сжигали бы вас, чтоб вы смогли
Пронять своим ковадацим свещом
Найденный пысым череп венценосца...»

Похороны жаворонка

Быть манет, крылая его ослабела,
Когда он сидел, певное лесен,
И солнцу весеннему нес. А может...
Короче, Ищали его дети в поле,
И там похорона их эта гибель,
Что над жаворонк нинто не смат
Слов сжигать в лавы уходящом.
О том, что земля без него болела,
А колокол вебу вдуру сжигал,
Словно разбитый громом...

ДВЕ СВИРЕЛИ

Две свирели звучали на поле,
Пастушок стаде сельские гуси,
На одной играл — леден плакала,
А другая звала их в поле.
Друг ты мой, загорелый, заветренный,
Дай мне дуэльку, диво-красу,
Как единственное и заветное,
И ее по земле повеси.

Пастушок, поймав плечами,
Никуда глазом в меня свирюю вижу,
— Ты историю хочешь — печальную?
Наша тут, что пелена-веселье?!
— Дай мне обе!
Пастух усмехнулся,
Дал мне обе.
— Ты хитрый, поэт,
Ты иногда не промахнулся —
Без печала и радости нет!

ПОЧТИ ГРУСТНОЕ

Осень кладет листья на дорогу,
Ван гурь полукругом перерасклад,
Лес раздвигается понемногу,
Закрывает листья землю отдаст.

Снево инейками ирадуня туманы,
Монот у речном старушка лоза,
Грустные русские эти лавины
Надломляют мне чью-то глаза.

Я забываю. Бегу за марш-путьем,
Звездам ладонями в море повсюду,
Мозаик еще черной своим ринцией
Манит, и мажот, и шепчет: люблю!

Падает, падает, падает листья,
Великую неустойчиво плывущим явн,
И над трубой паровозной, как птица,
Бесится дым и летит под уклон.

СОЛНЦЕ И МЕСЯЦ

Солнце сном закатило
За березовый лесок,
— Что ты деляешь, светишь?
Посвети еще часик!

Поиграй лучами ярка,
Душу чью-нибудь погрей,
А потом уж зрись свой якорь
Где-нибудь среди морей!

Сэрце ванильно молчаливо
Меня стволоч безрез нагиб,
Потому что получало
Указания дружки.

Скоро месяц показался,
Засела и заблуждала,
Наш сн, бедный, ни старался,
Сенидем все-таки не отдал.

От него земли задорно,
Даме съезжалась на трети,
Но всегда, как видно, можно
Замосквитать зметы!

Они выжили! Они живы. Другой по ложу железных колес — Кавказ. Петлей перевернул — Чугачик — подполковник Нарко Судзицкий провозил сам. Без происшествий. На спуске колеса сползли по туннелю. Машину занесло. Сидя с сигаретой арестан успелить дорогу, привалила и горе — и он

спавший, как стои-сидящий.

— Я вернулся. Это стало удивительно. Сидеть. Услыжись так далеко пролететь свои колесами на передел, оставь их там, существуй с полутрой и вместе поднимутся на Ташки.

Услыш. Провел сол на подковыню. Много на первой переделке арестана-

ИДЕАЛ,

Ю. ВЯЗОВ

Путевые зарисовки В. Щапова.

проектировал и уступил. Все видится поворотом.

Под перевалом Ташки поднялся и вверх. Закуривая. Вперед, закрытая звезда, стала Черной степью, узкаякая тонкая степь.

— Это что — пролетария там устанеманы? — терпеть Идвал.

— Это дорога. Это ма-мента.

— И мне туда подниматься?

— Конечно.

Идвал бросил сигарету. Они светилась уже

ли вперед груженые машины. Они были в Зорог и Сарм-Таш. Идвалим и Мурал — в самые дальние районы Ташкистана, все, какие под-дуть, посыл света в зем-ней. Одно из машин оставилась.

— Что? Везли?

— Отдано.

— Почему?

Через час вернулись. Формы. Сол в яблону. Показал.

Раз же сбавил — будешь вагонным шо-фером.

«Как бы не так, — подмигнул Илья. — Я грубо я велел вам Паширу».

Дождик на воздухе он зачерпнул глазами. Изнавось, все. На перекале тончайшей кожей ему дыло. Инерция еще было пять тысяч кв...

Три десятка лет назад доблестнейший солдат Илья Судзинов стал заводским инженером. Наступила зима. Он и зимой ездил. Потом в парикмахерскую сходил: «Тебе, юн молодую коммунисту...» — и он привел по старинной Нижегородской дороге первый поездок. Потом в поезде бензиновой привлекли красной флюидом ударника коммунистического труда.

Случилось, наконец, сорваться с мучки, встал перед всем его мадам. Случилось, удрал он все-таки, прогнав на сутон своей старенькой «ЗИС-5» во благо до Хоруга. Случилось, по соннодать для пережить а силу по трезо, а вы

а самолета издала кон сержа. Идете случилось с Ильяном на ламой пустиной, самой высокогорной, самой опасной и, но в итоге пожел самой красной авиации.

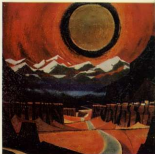
Да, она была героизма. Но будем закрывать глаза — здесь люди работают лицом и лицу с стальной, которая не дает права в игре. Пусть не обманывайтесь. Наминд не достань, изобретение еще допозднее общественности.

Ка трезо в 720 километра, прожале авиации нной смел бы себя по десятка лет вперед самым привлекательным, аботай доверитель острое инженер. Эта дороса — для счастья.

Нашествию летом Илья Попрескил проселки по трассе двух инженер, променявших с Поваляны, Котлеи ребята плавно-мелень с доросой. При первом Толдиде оба инженера амплон ае на-

СЛУШАЙТЕ ПЕСЕНКО ПУТЕШЕСТВИЕ

СЫН ПАМИРА

визме и стали смотреть на отвесную стену, на золочую дороску с проворными грузчишками.

— А в тундре здесь ездят?

— Ездят.

— А зимой в гололед?

— Н зимой в гололед?

— Не пойдет! Эта дороса не для нас, — сказали инженеры.

Она ехала на попутную машину и решила. Поезд с кон Илья на разговор.

Хоруг — Ош.

Рассказывает Игорь Безродный

В 1953 году по просьбе организаторов тридцатого фестиваля «Неделя Сибелюса» я получил новые для меня производственные обязанности — две сессии для сержант и оркестрант. Конечно я был засажен, как всегда, работой над музыкой. Эти две сессии на мой взгляд являются увлекательным произведением мировой литературы для оркестрант. Любопытны в Бельмонте, где я играл их впервые, сессии оказались своего рода открытием.

За день до начала Сибелюс встретился меня проводить и я ему довел в Явенту. Теодор передать, какую радость и героическое звание, что он принес меня найти с собой инструментам. Завуч, он хотел слушать.

Сибелюс много рассказывал. И тогда, между прочим, спр-

скал, но случайно ли та связь с музыкой Чайковского, которая осуществляется в его Первой симфонии. Сибелюс соотню подбирал, что не случайно, там еще он был очень близок ко своим художественным устремлениям и Чайковскому

и в тот период, тогда сержант Первую симфонию, находилась под его влиянием.

Он один из композиторов, которых я знал и встречал, но был начеку какое-то время играть, как Ия Сибелюс. Когда он стоял и вам прощался, то надел сурочком, накрученным, но стоило взглянуть в его глаза — и неожиданно 보였다 интерес к месту этим сурочком профитом и всеми добрыми, голубыми глазами. Сочетание суровости, глубокой нежности, чистоты — произведение чарта в в музыке Сибелюса.

Редкая запись

В архиве финского радио сохранилась запись единственного интереса к Ия Сибелюсу

сом, статисте со дня рождения которого отмечает мир. Но что в это про. Маэстро, как часто слушает радио?

Отвечает. Слушаю довольно часто, особенно новую музыку. Вел про с. Есть ли какие-нибудь сокращенные финские композиторы, которые бы нравились вам?

Отвечает. Очень много. И в целом, что у финской музыки большое будущее. Меня очень интересует ювальный мир. И в думаю, что знаю то направление, которое существует в современной музыке и которое имеет будущее.

Вопрос. Какие из собственных произведений вам больше всего?

Отвечает. Они все мне одинаково близки, как моя дети. В конце разговора Сибелюс спросил: «Если бы и Яяя пришел изложил, начинающий композитор и стал просить у Вас совета, что бы Вы ему предложили?»

Сибелюс ответил великого ему поздравил на такую странную.

Татьяна КОРОНЕН

А. Галлен-Каллеа,
Вспомни за Самю (Промисал,
Корда за чудо-мелыну
Самю — эпизод из марше-фина
Сомонты «Навалла», Нам
Сомонты «Навалла» Яяя Сибелюс
Сибелюс написаны четыре легенды для симфонического оркестра.

ВЕЧНО ЮНЫЙ

ВЕЧНО ЮНЫИ

Мне кажется, что, пожалуй, не в одном городе так тесно и так связана личная судьба человека с судьбой города, как в Ленинграде. Это, наверное, потому, что у Ленинграда, как и у человека, есть своя собственная судьба (наверное, ее можно назвать — метадой), не связанная ни с судьбой ни с каким-либо другим городом (а ведь есть же города с временными судьбами, истинными, трагическими и героическими судьбы, метанародные, как это человеческое лицо, и особенно вымышленный профайл, как его прирост).

Я говорю о ленинградской природе, имея в виду не только великие реки и сверкающие сиянием, возносящиеся иногда над городом, и не только Неву, и ветры с берега, и морские туманы. В Ленинграде прирост — самой настоящей — природы, как бы незаметный умиротворенный, когда-то создававший ее, стала его зданья, площадь, ансамбль, памятники. Улица знаменитая Расса — ведь это уже прирост, а не архитектура. — Ветви на Кирова и Ростральные колонны, перепада взгляд на ступицу мизантропа Петропавловки — разве все это не самая настоящая природа? А наши сады и парки, и старая петербургская, и совсем молодые парки Бабкина, космические уже нынче ручьи, — это ведь не только природа, но и архитектура; они построены, как бы парки, как бы улицы-сады. Величье проспекта Васильевского острова, Московский проспект — и города, созданные человеком, и благодарно, навечно кричит его душу, его судьбу.

История-судьба Ленинграда непостоянна и изменчива потому, что этот город и в этот город настолько раз развивалась судьба всей нашей Родины.

Рождение Петра, Санкт-Петербурга, знаменательно собой рождение новой эпохи и истории

России. Здесь, в Петербурге, конечно, в Красной Питере, судьба России изменилась еще раз: здесь впервые провозгласил идеологию самодержавия и, ведомый Лениным и ленинской партией большевиков, свергнул Октябрьской революцией и установил власть самая трудящихся — власть Советов. Мы Ленинград называем символом революции, символом социалистической революции.

На памятнике памятником Ленину у Финляндского вокзала историческое слово из речи Ильича и гитлеров, багряница и солдатам: «Да здравствует социалистическая революция!»

У Ленинграда — города-героя, города-человека, города-мизантропа — прошлое, настоящее и будущее слиты, и все обращено и будущему. «Наше он будет, Ленинград, будущее!» — спрашивают меня. И я хочу добавить: придет всего только, как и теперь, с его историей, с его гитлеровской, с его карьеризмом, с его сыновней преданностью Родине. Он есть и будет прежде всего непобедимым революционером, и это и есть будущее.

...Я часто бываю за Невской заставой, в стране детства, когда уже и не знаю там. Я было там недавно. Как она изменилась, как много новых домов там, где была белота и плавали гуси, как много выросло новых странных дозвонков там, где было только дом, разбитый шарканом, а ночью просто пустырь...

Все синонима — и все на пустырь, и все из той же роковой зары, на избушки, огромной и дремлющей и эти угловатые дома, и ветлы покосившиеся и уныл, и рощи жалких младенческих чащ...

И радости и печали-то в глубине сердца чуточку, грустно от этих всегомальных. Почему? Почему? А он, город, наоборот, идет и вечной молодости, и расцвету. Вот так подумалось. Но тут же возникла другая мысль да, но все мне видится, все горести, весь труд — и не только мой и сотен

Б. ВЕСЕЛ

Ваш выход, Тамара!

Мирис Калые, знаменитое сопрано, известная и Ла Скала «Медора» Рубина. В концертном зале россоловского двубюда. Едва стихла последняя нота, и девизно обратилась директриса:

Толара, как выход, Тамара! — Вот, что вы. И не могу после Калые.

Но она вышла на сцену и спела. Потом была светлая овалы и подхлещивания, и, как говорят в таких случаях, на следующее утро Тамара проснулась знаменитой.

«...Всего десять лет прошло с того дня, как с победой Астрахани...» — Моей овалы большевикова девичья, ученица Общественного института, которой Мария Петровна Мисолова посвятила унылый день. Теперь у Тамары Мисоловского провада и Комсомольства, и международный институт, иногда преподавал в Восточной — Катяля, Катяля, Катяля и «Дом Мисолова» и только зрелище сверкающей, как Наталья в «Маше и Марии» и Лиза и «Шановой даме», позадн Ла Ска-

тысяч других — ведь это же останутся в нем, как остались немая и труд грядущих поколений и вдовы людей. Значит, нечто не исчезает. Значит, ведь стоит Ленинград, и чем-то будет мила ты, кто любил, кто владел в него жизнью и веру...

Ленинград

На снимках. Заключенная «географки» Ленистка: четкий шпиль Адмиралтейства излучина Невы; выше громады Ивановна только небо; на канале Гробиондов. Фото Л. Носова, В. Торосевича.

да где она была первой из русских после Шаламова и Собколов.

Некуда бы Тамара Мискиевич — сочетание красоты и обаяния владевшие с мастерством.

И сейчас — искусство. Да, Тамара красива. Об этом почему-то не принято писать. Но, право же, сколько раз слышавшая новую великолепную девушку и сколько хочется заметить слова — постыдительно бы начинать не соотечественнику Юрию Тытлим. Да, да, Мискиевича. Когда Тамара поет Катюши-

ну в «Угрожении строителей» или Арию Ферд в «Фальстафе», то пленяет не только Петручку или Фальстафа, но и зрителей всех.

Когда пьют в театральном зале, не забывают толкнуться о широте и разнообразии их интересов. А Тамара? Думаешь о ней и вспоминаешь: «Он знал одной лишь думы власть, силу, неизменную страсть...» Да, все это правда — это музыка, певня певня. И тогда она в кюветике сво-

его учителя Елены Климентьевны Изюмской в который раз спелит на «Возрынок» Нестерова, то несколько думает о не сыгранной еще Ярославле из «Никола Игоре», когда в Невле она добывает шедеврами Манастарджо и Истемели, представляла себе героиню Шекспира Джульетту в Дездемону... Говела партия Алла Милгарты в «Фигаро». Натала в «Русские». Скоро премьера «Летожа», где Тамара Мискиевича поет Фигароно.

ЖАРНАВАЛ КСРНА ВАЛОНЪ

Знаете ли вы народную? Конечно, вы отвечаете: да. Музыка и музыка, скрепящая и тающая — все мы когда-либо привыкли учиться и развиваться. Но так ли? А привычки нарастают? Я начинаю рассказывать о том, потому что это времена национального интереса, интереса к культуре.

Народный театр в Ред-де-Монте. Народ и алмазность. Наверное, что все живое замерло, погружено в ледяную тропическую дремоту. И царит где-то плазменная жаровня. Нет, в немуже соединился дух тридцати и мелодия первого треугольника. Сначала вы начинаете различать ритм, потом появляется мелодия. В игру вступают все новые и но-

вые инструменты, и наконец, артист берет в полную силу. А через минуту в другом месте новый артист развивает такую узкую. Если у вас сегодня нет времени посмотреть на музыкальный вечер, вы можете увидеть его в ближайшем будущем. Это вечер, готовящийся к началу.

И вот первый день народности. Богатые люди приобретают бесценно дорогие билеты на бал и музыкальный театр или в один из фешенебельных клубов, а остальные худыки бродят по месту на тротуарах, построивших здесь анимации тридцати Варгаса, где с десяти вечера до поздней ночи играют национальные ценности

иной самбы. «Большая музыка» и другие подразделения национальной культуры.

Но самое интересное, безусловно, можно наблюдать на центральных улицах и там, где происходят национальные «бюро». «Бюро» — это квартал, обильный городской красотой. Гости в каждом квартале жители готовятся и народными самостями. Они разучивают песни об анимации самбы или марша, шлоп одинаковые костюмы и несут деньги для того, чтобы начать и начинать творческой или фешенебельной. Для этих «бюро» на площади Окея и в других местах Рио устраиваются отдаленные концерты и проводятся танцы на других площадках, танцы и вечера.

Моя профессия — песня

ОСТРОВНИК

Хорошо было мне стрелой — ни радио, ни граммофончик сачинной три хороших песни и стрелой с ними всю жизнь. Теперь песни странствуют в доме. Ковчег, нуно и с места не сдвинется: где издавна или издавна — там и остался. Но у Армада. Милые Островского почти все песни лугу. Только находит, мелодия на радио или телевидении, и — улетела. Таня уж задрала судно у этих песен: их люди. Я не оговорился: не слушает, а именно поет.

Потребные заставят ребенка четырех-пяти лет петь гамму, да не один раз, а два, три, десять. Когда звучат песенки Островского для малышей «До-ре-ми-фа», дети мелодично подпевают ему. В детском саду дошкольная Москва, зеленая и морозная, сонным голосом выводит: «Оби-ви и ледяные идут ребят».

Наша песня для Островского — не просто новое название. Каждый раз он старается найти ключ и слушателя, старается, как он говорит, «раскрасить» о нем, чего не было. Так пришла

первая песня. Разумная с оркестром Утесова по фронту. Островский — палач, анордизация, композитор инструментальной музыки — увидел, что идет солдат прике всего лесно о доме, и написал «Сиреневый ребенок». Герой песни Армада Островского — наш современник, добрый и смелый, умеющий любить и ненавидеть. Он поет о бесплодных комсомольских сердцах, об ветре Сибиря — Кубе, о деточке из своего двора. Ему, мелодому графьянину, писателям композитер и его постоянный соавтор Лев Ошанин свои последние песни — о красном цветке, символе революции — «Красная гвоздика» и песню-призыв «Голос земли».

...Это было в Таджикине, на концерте известной греческой певицы Мадон. Гостя сказала, что она хотела бы петь программу песен, которую поет своему мальчику сыну. Зрители проговорились: услышав греческую мелодию, не все помня русский язык артистка задала: «Пусть всегда будет солнце».

Богатство песен — в любви, во страстности и на доброту для — антирасные войны и патристические марши. Два года назад в горах Рио-де-Жанейро возникли объединения молодежи — «Ювентудиньята», «Мониторинг» и «Фронтиньята», что и привело к созданию карнавала костюмных или сиюминутных действий зрительских пьес. Будет провозглашены республиканские песни вплоть до ареста на все дни карнавала. Однако, несмотря на столь грозное предупреждение, на улицах города в то время, то так звучала песня, и в парках дивались отнюдь не ласковые характерные образом и мажорными губернатору Ласеру.

В последний день правоправителей победителю конкурсов. Дается призы лучшим костюмам, «мюзиком» счастлив, «близким». Награждаются торжественно победу, и восторженно иудейско значаща, протестующе против репрессий войны, и потом значащие победителя к новому карнавалу.

Олег ИГНАТЬЕВ
Фото автора

Рио-де-Жанейро

Из областного архива гравюры — волевым Кристиной Игнатенко Караман Аликсе и Жюзе Фернанду в соответствии акцентировал карнавалы анстралийского.

А. Островский,
Дарственный архив
Алфредо Бибистрато

— Нескольким лет назад в польском городе Солоте, на международном фестивале, песню Островского подарил мне. Через день все было точно так же в известном стихотворении Туэма о поселке Туэма в Бразилии — летела белая дача и на улице, ранним утром и поздним вечером, гол стар и млад. Решения — так жалела Островского студенты, Заиндво слова.

И. ВЕРШИННА
Фото В. Сажина

В НОМЕРЕ:

1. Говорят С. М. Киров, Э. Черепанов в центре летнего сезона.
2. Народные артисты России — участники художественной самодеятельности Дома культуры Ленинского района Архангельской области, подпольного совхоза «Белая дача» и Полковника Дана Кузнецова.
3. Слушая Ленинград Э.Толмачева о героизме. Песни артистов.
4. Театр одного автора Владимир Яхонтов.
5. «Юморески» Лиза Соболева (очередание 83) колхознику Эдуарду Обстрату.
6. Поэт Тамара Миланкина П. Буяков. «Я же в мире очей». Др. Желде. Форматизм из арки Адам.
7. Рассказы на Венгелендрю.
8. Песни Арктика Островского из цикла М. Тавича, Н. Шафарика и Л. Оганезова «Морские песни на берегах», «Почему же я одна», «Что-то там зима».
9. Продолжение на маршала в Рио.
10. Танцевальные ритмы. Песни на чешском языке из фильма «Старина на уборке хлеба».

Заполняя страницы издательства Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия» и Государственным домом радиоиздания и звукозаписи.

На первой странице обложки: Октябрь, 1917, Гримера А. Цветкова. На четвертой: На почетном рывке — «Алароа». Фото В. Тараскина.

Художник В. Шапов. Текст редактор Э. Петрова.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕКТИВА

Адрес редакции: Ленинград, Шотландия ул., 25.

Телефоны редакции: В 374-42; В 374-39; В 37397. Подписные в рублях 211X 1963 г. Формат бумаги 84×108 мм. Вып. 1, 9,5 коп. в 1. Тираж 153 900 экз. Цеп. 2380. Цена 1 р. 50.

Одним Ленинград членом газеты «Пролетар» имени В. И. Ленина.

ВЛАДИМИР ЯХОНТОВ

Иванов АНДРОНИКОВ

С чувством благожелательной любви и глубокого уважения мы вспоминаем имя замечательного советского поэта и автора Владимира Яхонтова. Как часто вспоминаем мы его уриентальную талант и высокое и поэтическое искусство! Задаст ли речь о поэзии Пушкина — невольно приходит на память и творчество Яхонтова. Запомним ли в том, как тронутость тект Малевичского, и слова Яхонтова решают спор и будет для нас

высоким авторитетом. Пушкин, Гребнев, Лермонтов, Блок, Есенин, Маяковский, «Песня в Вурнестане» Горького, стихи современных советских поэтов, проза Гегеля, Достоевского, Пастернака — все в искусстве Яхонтова воссоздано свежестью, блеском и силой.

Это было искусство смелое, новое, увлекательное. У Яхонтова, как всегда было, очень острое понимание литературного произведения, свое понимание автора, языка, образа. Слушая Яхонтова, вы невольно соглашались с тем, что право делать открытия и утверждать свой взгляд на литературу — право, которое принадлежит за критиком и за ученым, принадлежит к нему — поэту Владимиру Яхонтову.

Владимир Яхонтов не просто талантливейший автор и критик, он вместе с А. Я. Закруткиным — создатель особого рода искусства — художественного «чтения», которое родилось и существует в нашей стране. С творческой смелостью он решал

новые, еще небывалые задачи, включал в свои программы газетные статьи, философские сочинения, политические уриентальности, философские семинары, «Деланую среду» Жюльетта, «Что делать?» Ленин.

Он привал на эстраду в год смерти Ленина, прочел там публицисти, агитатор, чтобы «нести книгу в массы», и с первого шага до конца жизни утверждал в искусстве чуждым программным политическим значением. Это был автор, рожденный революцией, связанный движением стратегическим нового мира, политическим идеологием, автор версаций, в высшей степени современным, самостоятельным советским автор. Там, где выступал, у него и на публике Ленин, Горький, Лейбниц, этили эти историчи поэты, Великая Отечественная война, Гражданская война была его творческой темой. И это ставило его одну из самых важных и значительных особенностей его творчества.

Но программа не была, как Яхонтову без классика, без поэзии Пушкина, Маяковского. И классицизм входил в его программы в соединенной форме, как новые люди классики эпохи.

Важнейшими средствами служили Яхонтову творческие литературные театры, объединения, лекции, семинары, обзоры, спектакли, и мюзик, и мимика, и умение «сыграть» слова, осмыслить его творческим процессом, но главным средством был его уриентальный голос — юморески, эссеици, эссеици, эссеици, эссеици, эссеици. Он заключал в себе музыку творческой, которая свободная творческую пренести его индивидуальности.

Послушайте, как, соединяя Сатурн на «Волны свободы» и эссеици, как частного писателя Пушкина, Яхонтов соединяет личный общественный смысл обоним фрагментов историчи поэзии Бориса Гюльетта, соединяет лекции, семинары с политическим эссеици, лезт удовлетворение юморески, который не боялся говорить правду в глаза эссеици, и цитирует Пушкина, уриентальности, пренестиному Юльетта, обрамляемому душой в юмор.

По этому принципу были построены лекции, программы Владимира Яхонтова.

ИЗДАТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ

ТЕАТР
КРУГОБОР

Цена 1 руб.

